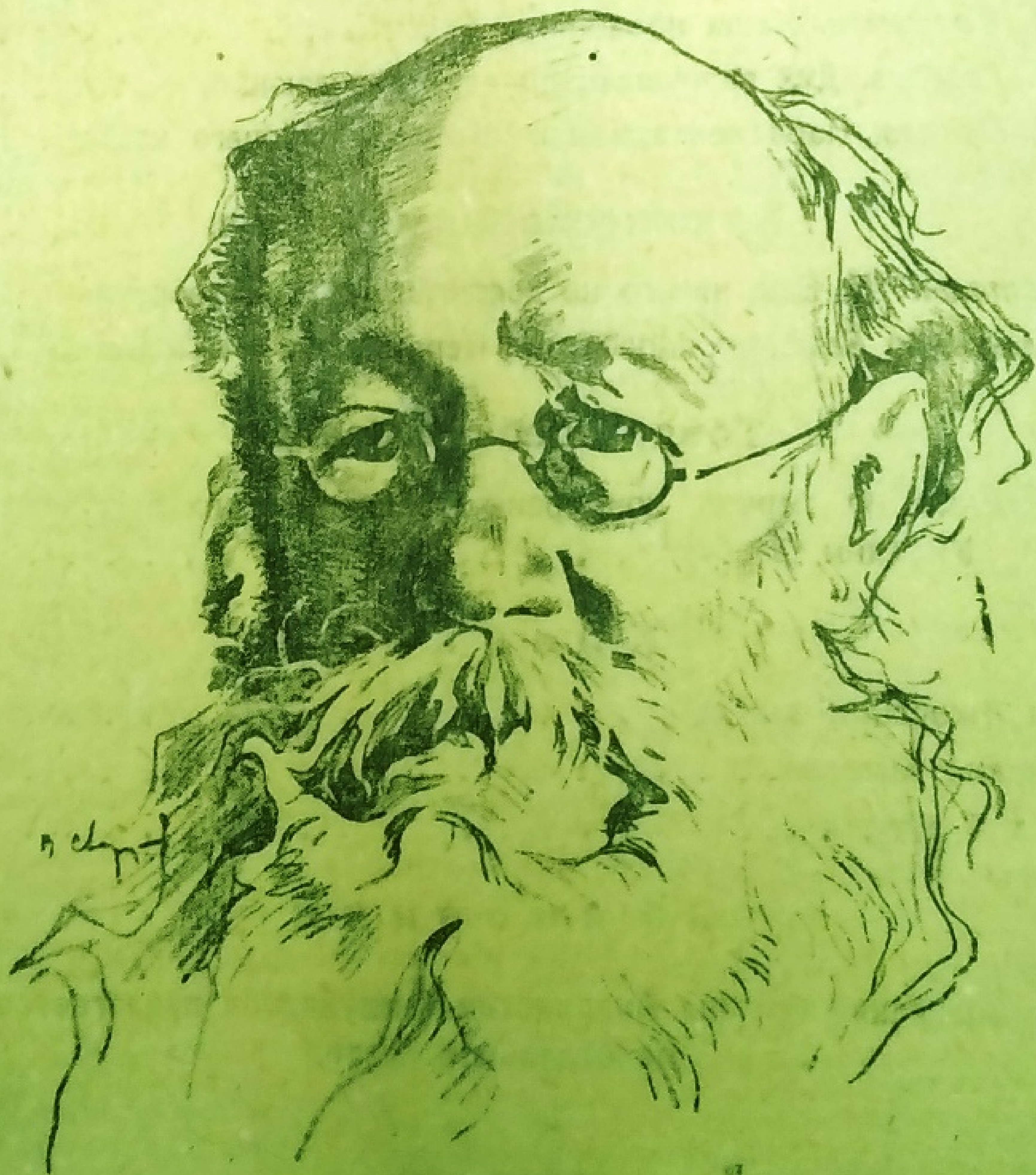
Освобождение трудящихся, есть дело самих трудящихся!

Вольный Труд

Орган Питерской Федерации Анархо-Синдикалистских Групп.

№ 2. 21 Декабря. 1918 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр

Теоретический отдел.

Б. С. Об Анархизме (очерк первый). 3

Общественная жизнь.

М. Топтыгин. Наша позиция 11

Л. Грабарь. Дух разрушающий—дух созидающий 16

Н. Павлов. Парламентаризм и интересы рабочего класса . . . 18

Художественный отдел.

Наталья Ш. Еще ничего не достигли... (Стихотворение) . . . 21

Александр Беркман. Молодежь. Пер. с англ. Н. Полевого . . 22

Товарищеская беседа.

Семеныч. О первой конференции анархических организаций Украины „Набат“ 26

Хроника.

На Ижорском заводе 27

Мелкие заметки 30

Отчет. 30

Об'явления

Воззвание Группы Анархистов-Коммунистов прилагается на отдельном листе.

Теоретический отдел.

Об анархизме.

Очерк первый.

Предмет, цель, метод, и система теории анархизма.

Что такое анархизм?

Проф. Эльцбахер подошедший, кажется, первым к анархизму с девизом „je ne propose rien, je ne suppose, j'expose“ (я ничего не предлагаю, ничего не предполагаю, я излагаю) определяет анархизм, как „философско-юридическое отрицание государства“, как „ту ветвь философии права, которая отрицает государство“.

Разбираясь в этом определении анархизма, являющимся как бы компиляцией всех существующих определений мы замечаем его односторонность: в нем указывается только *отрицательное* содержание анархизма.

Нет сомнения, что в широкой области общественных наук, в области „философии права“ одним из характерных моментов анархизма и является это „отрицание государства“. Но разве это все? Разве только одним отрицанием (содержание которого указано Эльцбахером далеко не полно) выделяется теория анархизма в широкой области обществоведения? Разве у анархизма нет своего положительного содержания? Нет, у анархизма есть и свое *положительное* содержание, своя положительная цель, правда, разработанная мало в деталях. Кроме того, у анархизма есть и свои *методы*, у анархизма есть и свой *предмет*,—те три главные момента, которыми определяется всякая научная дисциплина.

Предмет анархизма — общественная жизнь, общество, в котором родится, живет и умирает человек. В этом сходство анархизма со всеми социальными науками и теориями, также изучающими общественную жизнь. Отличает же теорию анархизма от других родственных социальных доктрин прежде всего — *цель*, а затем — *метод.*

Цель анархизма была отчасти указана выше, — отрицание государства или точнее, разрушение, уничтожение, *государственной* формы общественной жизни. Но это — не все (как сказано тоже выше), даже со стороны отрицательного содержания. Анархизм отрицает государство и все то, на чем оно покоится и что из него вытекает, а именно: современный экономический строй, частную собственность, современное „право“; современную „нравственность“, современную семью, религию, патриотизм, милитаризм и т. д. Определить и разделить точно и детально, на чем покоится и что вытекает из государства, нет необходимости, да и невозможно: все то, что вытекает из современного государственного строя, в то же время является базой, опорой, его существования. Государство, нужно заметить, производит только то, что необходимо ему для его существования, остальное же все убивает, уничтожает, разрушает.

Отрицая современную *государственно-общественную* жизнь, анархизм стремится к переустройству общественной жизни, на свободном, непринудительном начале, на договоре всех людей (положительное содержание).

Общество без власти, без принуждения — вот идеал анархизма.

Этим своим положительно-отрицательным содержанием цели анархизм отличается от всех других политических доктрин (как видов одного общего рода — обществоведения), точно также отрицающих современный общественный строй, стремящихся к переустройству общественной жизни, но не по существу, а по форме, признавая момент принуждения, этот основной момент *государственно*-общественной жизни, правда, прикрытый всегда, может быть бессознательно, различными „всеобщими, прямыми, равными и тайными избирательными правами“, „народовластием“, „общей волей“, „волей большинства“, „диктатурой пролетариата“ и т. п. самогипнотизирующими и самообманывающими словцами.

Что же касается *метода*, то он тождественен с методом всякой другой позитивной социальной науки. Прежде всего выдвигается *догматической* метод. Анархизм исследует различные общественные явления, подмечает общие черты, систематизирует эти явления на основании этих общих подмеченных начал и, разбираясь в полученных выводах, раз'ясняет появление, существование и значение этих явлений.

В интересах вскрытия внутренней связи с государством всех отрицательных черт различных общественных явлений, анархизм исходит в своих исследованиях не из одного конкретного явления, а из *хронически-повторяющегося* явления как родового понятия, существующего всегда и всюду, где было и есть государство (государственная власть).

С той же целью анархизм прибегает и к *историческому* и *историко-сравнительному* методу (последний в теории анархизма впервые хорошо разработан П. Кропоткиным), беря, сравнивая и исследуя общественно-государственные явления разных времен и у разных народов.

Наконец, в интересах научного синтеза теория анархизма прибегает к *философскому* методу. К сожалению, последний метод до сих пор покоился на очень шатком фундаменте и только теперь, благодаря изысканиям проф. Петражицкого, начинает становиться прочно на ноги.

Такова в самых кратких чертах одна сторона метода анархизма *теоретическая*, так сказать.

Другая сторона его,—*практическая*, вопрос, как подойти в жизни ближе и скорей к цели, к идеалу анархизма, какой дорогой, каким путем идти, что нужно делать, чтобы идеал анархизма был хоть до некоторой степени осуществлен в реальной действительности—все это поставлено в теории анархизма слабо, но не лучше, во всяком случае, чем во всех остальных политических доктринах, трактующих о переустройстве современного общества. А между тем, если взглянуть в историю теории анархизма, то можно заметить, что прежние теоретики анархизма придавали огромное значение этому вопросу, подолгу и серьезно останавливались на нем, самым тщательным и детальным образом обрабатывали его и положили, казалось бы, прочный и глубокий фундамент его дальнейшему развитию. Сознательно или бессознательно, общие начала метода (тактика анархизма), разработанные прежними теоретиками—нынче забыты и заброшены: они и до сих пор остались теми же общими началами (но не более), и началами уже—„негодными", „излишними". Вместо доказательства их „негодности", их исправления, теоретики анархизма в 80-ых и 90-ых годах прошлого столетия бросились к „диалектическому методу", признавая его единственно правильным, единственно возможным и обязательным.

Чем и как вызвалось это последнее явление в анархизме и насколько оно правильно, мы разберем в одной из будущих своих работ. („Тактика анархизма"), сейчас укажем лишь на то, что монополизирование одного метода, в особенности в вопросах практического, реального достижения в социальной жизни—крупная ошибка, которую

можно и должно исправить признанием *всех* общих начал старых теоретиков, *всех* потому, что ни одно из них, в отдельности взятое, не может разрешить радикально задачи анархизма.

Резюмируя кратко все вышеизложенное, мы видим, что теория анархизма, имеющая своим предметом общественную жизнь,—есть наука социальная, отличная своим методом, и целями от различных других политических систем, а потому не могущая входить в состав той или другой из них, что насильно хотят в последнее время сделать некоторые теоретики от анархизма и социализма.

Исходя из всего сказанного, легко определить *систему* теории анархизма: сперва нужно рассмотреть его отрицательное содержание, т. е. то, что анархизм отрицает; далее положительное содержание, учение об анархическом обществе, и, наконец, тактику, пути, ведущие к этой цели—к отрицательно-положительному содержанию анархизма.

Такого порядка мы и намерены придерживаться в своей работе.

Первый очерк явится исследованием о государстве вообще и государственной власти в особенности.

Второй—исследованием функций государства: нормативной, административной и юрисдикционной вообще и нормативной, направленной на выработку юридических норм, так называемого об'ективного права в особенности.

Третий очерк коснется современной собственности, покоющейся на об'ективном праве.

Четвертый и пятый—административной и юрисдикционной функции государства.

Шестой—нравственности и религии.

Седьмой—семьи.

Восьмой—патриотизма и милитаризма.

Девятый—предрассудков.

Десятый—Общества без власти, как идеала анархизма.

Одиннадцатый—децентрализации в политической и экономической жизни (федерализм и конфедерализм).

Двенадцатый—тактики анархизма.

Государственная власть (волевая теория и теория силы).

Что такое государство?

Большинство государствоведов определяют государство, как общество, об'единенное одной общей верховной властью [1]). Таким образом, в понятие государства входят два признака, два элемента: *общество* и верховная, или, как часто говорят, *государственная власть*.

Что такое общество — это понятно; общество есть совокупность лиц, союз людей.

Но что такое верховная или государственная власть?

В науке права очень популярен взгляд на государственную власть, как на единую волю, обладающую непреодолимой принудительной силой [2]). Это определение, несмотря на свою популярность и кажущуюся, на первый взгляд, простоту, приходится признать неудовлетворительным.

Прежде всего, необходимо заметить, что слово „воля" имеет различные значения: 1) *воля*—активный элемент нашей психики (см. любую психологию); 2) *воля*—свобода („Дайте мне волю", „Земля и Воля" и т. д.); 3) *воля*—желание, приказание („Воля умирающего", „Воля отца", „Воля начальства" и т. д.). Как понимается воля в вышеприведенном определении государственной власти, точно сказать трудно, можно только приблизительно, с некоторой вероятностью, догадываться: *воля* понимается, как приказание, желание (3-е значение).

Но, и разобравшись в этом, придется, все-таки, отказаться от определения государственной власти, как воли, обладающей непреодолимой принудительной силой.

---

[1]) В это определение часто вносят еще третий признак—территорию. Государство есть общество или союз людей, живущих на определенной территории, об'единенных одною общей верховной властью. Однако, под такое определение не подходят различные народы древних и старых веков (главным образом кочевые), у которых, хотя и нет определенной территории, но безусловно есть верховная власть. придающая их жизни чисто государственную окраску. Вспомним германцев, татар во время нашествия их на Европу когда у них не было определенной территории; вспомним израильский народ, странствующий сорок лет в пустыне и т. д. Под это определение подойдут только современные государства, да и то не все: разоренные нынешней войной Сербия и Черногория не являются по этому определению государством, так как у них нет сейчас не только определенной, но вообще никакой территории. Общая наука права, в данном случае государствоведение, должно дать определение, под которое подойдут государства всех времен и всех народов, а не только определенная группа государств или государства определенной эпохи.

[2]) Теория, по которой государственная власть отождествляется с волей, известна в науке под именем волевой теории. Виднейшие представители—историческая школа, Гегель, Гербер, Еллинек, Лабанд, Лоренц, Штейн и др.

20

Дело в том, что государство, как и всякая другая форма общества вообще, есть не личность, не живой организм (как ошибочно думает органическая школа), у которого—своя воля, свое желание, своя сила,—вообще все то, что свойственно живому организму. Правда, явления общественной жизни (следовательно, и государственной, так как государство есть общество) схожи иногда с явлениями живого организма, но этого сходства еще недостаточно, чтобы отождествлять общество с живым организмом. Если кто-нибудь своим характером, „своим темпераментом“, как говорят, напоминает нам зверя, „похож“ на зверя, то никто на основании этого сходства не заключит, что это—зверь, перед нами все-таки остается *человек*, тем более такого заключения „по сходству“ только, не может и не должна делать *наука*.

Не нужно забывать, что общество часто напоминает нам механизм, однако, государствоведы не делают на основании этого сходства заключения, что государство есть механизм, изобретенный где-нибудь в старом или новом свете и построенный на заводах Америки или Германии. Такое заключение „по сходству“ считалось-бы в науке абсурдным. Органическая школа (выводы и заключения которой послужили основой для *волевой теории*), подмечающая в обществе не только волю, разум, *психическую*, так сказать, сторону личности, но даже нервы, кровь, волосы, ногти и т. п. *физические* части организма,—не далеко ушла от абсурдности.

Если же носители государственной власти, природу которой мы ищем, часто, как правильно подмечено уже давно, опираются на реальную силу (войско, полицию), то не нужно думать, что эта сила есть сила какого-то живого организма.

Из того, что правители опираются на силу, нельзя также заключать, что власть есть сила (*теория силы*). Власть—это одно, правители, представители власти, опирающиеся на реальную силу,—другое.—Это вопервых. Во-вторых *теория силы* смешивает *то, что опирается*, с тем, *на что опирается*. В. Ленин, опирающийся в полемике с кем либо на К. Маркса (интеллектуально-материальную силу), не есть и не будет К. Марксом, а есть и всегда останется В. Лениным.

В последнее время *теория силы*, получила в целом ряде новых конструкций совершенно иное и, как многие думают, боле прочное обоснование.

Одна конструкция исходит из того, что «В сфере социальных явлений необходимо допустить существование некоторой *первоначальной силы*, постоянно действующей на образование различных общественных форм и устанавливающей связи соединения между отдельными индивидами и их совокупностями. Эта первоначальная сила соединения есть необходимое условие общественной жизни и нечто постоянно

проявляющееся в человеческом мире, подобно силе *физического тяготения*... Эту силу влечения, притяжения, существующего между психическими элементами, индивидами и создающего разнообразие социальных форм, можно назвать силой *социального тяготения*... Насколько сила социального психического тяготения проявляется в том, что жизнь индивидуальных частиц определяется жизнью социального целого, настолько она является *общественной властью*, Общественная же власть, действующая через определенные органы и обладающая принудительным характером, есть *власть политическая* [1])... Она есть та единая сила, которая дает бытие политическому союзу [2])»... (Курсив мой).

Дав такое, чисто-метафизическое обоснование существования «некоторой первоначальной силы», силы «социально-психического тяготения», ищут затем, что обусловливает эту «первоначальную силу».

Обусловливает ее «сознание зависимости», «воля к господству» и «воля к подчинению».

Предполагать, что в «сфере социальных явлений» существует какая-то «первоначальная сила», подобная силе «физического тяготения», которая, проявляясь «в том, что жизнь индивидуальных частиц определяется жизнью социального целого»... «является общественной властью», в лучшем случае—мистика. Это наивное предположение, потом сам автор, может быть бессознательно, отбрасывает, ища, что *обусловливает* эту «первоначальную силу».

Одно из двух или это «сила первоначальная», первопричина (понимая силу, как причину) и тогда ее, как «первоначальную», ничто не обусловливает, или ее что-то обусловливает, но тогда она не «первоначальная сила», а *производная*. Существование же производного необходимо доказать, хот бы путем об'ективных рассуждений, а не только «допускать», Наука, до тех пор пока она наука, может и должна избегать таких предположений и допущений.

Другая конструкция *теории силы*, предложенная в России Коркуновым, лишена, пожалуй, и логики.

„Все, от чего человек сознает себя зависимым,—говорит Коркунов,—властвует над ним, все равно, имеет ли и даже может ли иметь волю, мало того, независимо от того, существует ли то властвующее или нет. Для властвования требуется только сознание зависимости, а не реальность ея.—*Если так, власть есть сила*“ [3]). (Курсив мой).

Признавая много правильного в первой части рассуждения, совершенно непонятен логический скачек:—„Если так, власть есть сила“. С таким же успехом и с такой же логической правильностью можно

---

[1]) А. Ященко: „Теория федерализма“ стр. 188.
[2]) Там же, стр. 194.—
[3]) Коркунов. „Русское государственное право“.

было бы рассуждать и так: „Для властвования требуется только сознание зависимости, а не реальность ея.—*Если так, власть есть рабство*“... или—„Если так, власть есть насилие“ и т. д.

Не разбираясь во всех других конструкциях теории силы, необходимо отметить правильное указание Еллинека, что теория силы не об'ясняет природу государственной власти, а только пытается очень неудачно, обосновать ее [1]).

К этой попытке нам придется вернуться еще в будущем, сейчас укажем лишь на то, что между об'яснением и обоснованием есть разница. Можно сколько угодно обосновывать, например, ту или иную юридическую сделку, направленную на изменение юридических отношений вообще, но природа ея может остаться не раскрытой, может остаться неизвестным к какому роду, виду «юридических отношений» должна быть отнесена данная юридическая сделка и т. д.

Причина всех этих неправильных, нелогичных, фантастических, наивных представлений о природе государственной власти кроется в смутном понимании природы общества, человека, его психики и, главным образом, в уродливом воспитании человека.

Б. С.

(Продолжение следует.)

---

[1]) „Теория силы обосновывает, а не об'ясняет государственную власть Но такое обоснование относится к будущему, а не к прошлому. Правда, и фактически существующее... имеет для человеческих дел нормативное значение. Но признанию фактического нормативным противодействует другой факт, именно стремление к преобразованию существующего в соответствии с определенными целями“. Теория силы, по мнению Еллинека, даже „не основывает государства, а разрушает его, пролагая путь непрерывной революции“. И „по отношению к стоящим на почве существующего государства, теория силы является возванием к постоянной борьбе с существующим порядком. Если государство по существу... фактическое господство то из этого с психологической необходимостью вытекает стремление подвластных всеми средствами добиться господства“. (Еллинек, „Право современного государства“, стр. 122, 123). Небезинтересно отметить здесь критику старым анархистом Годвином *теории силы*. Современная ему наука пыталась обосновать существование государственной власти либо силой (теория силы), либо божественным происхождением (теократическая теория), либо договором (договорная теория). В первом предложении Годвин усматривает „полное отречение от всякой вечной и безусловной справедливости; ибо оно объявляет законным всякое правительство, имеющее силу навязать свои предписания. Оно подрывает все общественныя знания и предлагает людям спокойно подчиняться злу, не утруждая себя заботами об улучшениях. Второе предложение—двусмысленно: оно либо означает то же, что и первое, с тою лишь разницей, что указывает на Бога, как на источник всякой существующей власти; либо совсем не имеет цены до тех пор, пока какой либо признак не позволит нам различать правительства, признанные Богом, от тех, которые им не признаны... Третье предложение означает, что лицо может вручить кому-либо руководство своею совестью и критику своих обязанностей... Но мы не можем отречься от нашей нравственной самобытности; она есть свойство неот'емлемое и непродажное; следовательно, ни одно правительство не может ссылаться на первоначальный договор, как на источник своей власти“.

Общественная жизнь.

Наша позиция.

(*Окончание*).

Об'ективно оценивая роль коммунистов-большевиков в период дооктябрьской и начала октябрьской революции, мы всегда указывали, как на одну из положительных черт идеологов названной партии, на способность их быстро схватывать желания и воплощать эти желания в определенные лозунги.

В то время слуховой аппарат ядра большевистской партии до того был чуток к каждому звуку голоса жизни, а волевое стремление воплощать жизненные требования настолько сильно, что коммунисты-большевики не раз отступались от кардинальных положений своей программы, лишь бы сохранить связь с массами, лишь бы не оторваться от них и сохранить поступательное движение последних.

Голос жизни—голос экономических требований масс.

И вот в такие моменты революции, когда коммунисты—большевики шли с массами, они мало чем отличались от нас, анархо-синдикалистов, не только в теории, но и в практике.

В такие моменты они, идя за жизнью, невольно, незаметно для себя, были и на словах и на деле последователями анархо-синдикализма, который является не теоретическим измышлением кабинетного ученого, а результатом творчества рабочих масс, результатом творчества этих масс в экономической борьбе.

Но нужно помнить, что это было и есть моментами, что разница между нами и коммунистами-большевиками глубока.

Эта разница заключалась и заключается в следующем.

Мы всегда и всюду идем с массами, мы постоянно ждем массового выявления того, что назревает в ее пластах; мы считаем, что

только массовое творчество может разрушить старое и создать прочное новое; что в недрах масс кроется такой огромный запас потенциальной энергии, что в период ее пробуждения никакая сила не в состоянии ее остановить, а в моменты ее покоя никакая сила—привести ее в движение.

Не отрицая влияния меньшинства на массы, мы считаем, что единственно возможной формой этого влияния является пропаганда, беспристрастное указание тех ошибок, которые совершены массами и указание тех вех, которые приведут их к безвластному социализму—анархическому коммунизму.

Коммунисты большевики же, продолжая теоретически признавать массовое творчество, практически стараются воплощать в жизнь еще не вполне осознанное всею массою, стараются навязать массам то, что намечается, зарождается у меньшинства.

Отсюда желание иметь в своих руках аппарат, дающий возможность сверху осуществлять свои планы, извне внедрять их в массы; отсюда стремление коммунистов-большевиков к властвованию, путем которого они думают насадить коммунизм.

И коммунисты—государственники шли за массами только до момента захвата власти, после чего они сразу стали тем, чем должна быть каждая политическая партия: для них стало невозможным выжидать массового выявления того, что назрело у меньшинства. Выжидание для политической партии равносильно смерти.

Как всякая правящая партия, властвующие коммунисты встали перед необходимостью быстрого проведения в жизнь своих програмных обещаний, ради удовлетворения активного меньшинства, и они перестали внимать голосу жизни, для них голос меньшинства стал иметь первенствующее значение.

Властвование—оторванность от масс.

Властвование—духовная слепота.

И „коммунисты“, не считаясь с об'ективными условиями нашей революции, с места в карьер, начали осуществлять свою программу и все больше и больше отрываться от масс.

Как правящая партия, они начали беспрестанными мелкими толчками направлять творческую энергию масс по желаемому для них пути и таким образом притуплять эту энергию, разбивать ее на части, вгонять—в состояние спячки.

Трещины в массовом пласте пошли по всем направлениям и самая большая из них прошла между властвующими и подвластными.

Правящее меньшинство в настоящее время так или иначе определилось и самое властвование приняло более или менее устойчивые формы.

Что это за формы, похожи ли они на старые или имеют в себе зачатки нового?—вот вопрос, интересующий нас, и от решения которого должно зависить наше поведение.

Может ли эта власть быть подобной отжившей буржуазной или она иного характера, не похожа на первую.

Могут ли Советы, законодательные органы нашего времени, до конца своего существования остаться политическими в смысле партийном органами или они утеряют эту окраску и постепенно экономический элемент будет вытеснять элемент политический.

Всякая власть есть результат политически-партийной борьбы, а последняя является притупляющим началом классовой борьбы—базы государственного строя.

Власть буржуазного государства, как бы ни угнетала эксплоатируемый класс, как бы ни преследовала его, никогда не может систему угнетения довести до системы полного уничтожения эксплоатируемых; эта власть—власть меньшинства не может вконец уничтожить большинства, она не в силах этого сделать и главным образом потому, что живет исключительно за счет большинства и без него обречена на гибель.

В то же самое время власть буржуазного строя *не носит в себе зачатков самоуничтожения*; смерть ее приходит со стороны.

Такая власть уничтожается механически.

Такую власть только революция может стереть с лица земли.

С момента октябрьской революции, со времени захвата власти коммунистами-большевиками в России установилась совершенно новая форма государственного строя; такая форма, которая обречена на медленную смерть, а ныне существующая власть *содержит в себе самой зачатки самоуничтожения*.

Партийная политическая борьба—одно из оправданий существования власти—при окончательном провале последовательно всех политических партий, начиная от правых эсеров и меньшевиков и кончая левыми эсерами, сведется на нет и уничтожит один из крупных шансов оправдания существования власти.

Диктатура пролетариата, об‘явленная захватившими власть коммунистами, способствовала, если и не окончательному уничтожению буржуазии, то во всяком случае сильному обессилению ее.

Окончательная победа пролетариата над буржуазией, большинства над меньшинством, нисколько не страшная для первого, положит конец классовой борьбе, а значит поставит, власть перед необходимостью неукоснительно суживать сферу своего влияния, бледнеть и угасать.

Таким образом, властвование коммунистов—государственников обречено на гибель и роль их, как правящей партии постепенно, до

момента окончательного исчезновения с горизонта, сведется к роли стража, охраняющего уставшего творить колосса—массу и временно погрузившегося в спячку; к ограждению пролетариата от внешнего врага в лице иностранного капитала и буржуазии, внутри же страны к поощрению экономического строительства и участию в экономической работе масс.

Если коммунисты-большевики сохранят такое положение, то с каждым днем расстояние между нами и ими будет уменьшаться и даст полную возможность параллельной, подчас и густо переплетающейся работы вместе с ними, как в области экономической, так и внепартийной политической при нашем участии в работах местных Советов.

Но работая вместе с коммунистами-большевиками, мы должны зорко следить за направлением правящей партии, все действия ее постоянно подвергать суровой, но справедливой и основанной на веских фактах критике и, в случаях уклонения ее вправо, напоминать о выкинутых ею же коммунистических лозунгах и бить ее ими до тех пор, покамест она не вернется на прежний путь, выбранный ею добровольно, путь движения к коммунизму.

Что правящей партии не раз придется уклоняться от намеченного пути, видно из тех условий, при которых протекает наша революция.

Если Германия в развитии революционного движения изживет все государственные формы и примет новые, выдвинутые нашей революцией, то, конечно, такое положение не заставит партию коммунистов уклониться от раз намеченного пути, не заставит их уклониться вправо даже при угрозе со стороны англо-франко-американского вандальства.

Если же германская революция примет иную форму, не будет в своем развитии выявлять признаков социальной революции, а в политически-партийной плоскости продолжать соглашательскую политику, правящая партия, в целях создания единого германско-русского революционного фронта против надвигающейся общей, как для нас, так и для германцев опасности, вынуждена будет нивеллировать свою политику по германской и, значит, двигаться вправо.

Так дело должно обстоять в сфере международной ситуации.

Так дело может обстоять и внутри страны.

Проведение по всем направлениям национализации с одной стороны усиливает бюрократизм, с другой заставляет партию коммунистов всюду иметь своих людей, представителей государственной партии, что при малочисленности способных к тому работников, почти невозможно.

Замечаемое всюду партийное малокровие навело на мысль одного из идейных вождей партии организовать сочувствующих.

Сильная безработица и требование при поступлении на какую-бы то ни было службу партийного ярлычка, главным образом, способствовали образованию широкой волны сочувствующих коммунистам. Среди массы „возлюбивших коммунизм“, конечно, есть незначительная часть действительно сочувствующих большевикам, но большая часть ее потянувшиися за меньшинством, более чем вероятно, состоит из разного рода карьеристов, людей аполитичных, а то и просто аферистов и шарлатанов.

Вся эта публика до поры до времени будет разыгрывать из себя „взыскующих града коммунизма“ и, если представится выгода, войдет в партию.

Такой низкопробный элемент, почти насильственно, в силу сложившихся обстоятельств втянутый в партию, может последнюю удельно понизить и произвести сдвиг, конечно не влево, а в противоположную сторону.

Все выставленные здесь соображения заставляют нас зорко следить за деятельностью правящей партии и все ее опрометчивые шаги подвергать критике.

Критикуя же, нужно помнить, что наша критика не должна выливаться в форму злопыхательства, не должна походить на тявканье из подворотни. Такая критика будет иметь большой успех среди обывателей, этой социальной слизи, вечно брюжжащей везде и всюду, готовой днем и ночью перемывать кости любому встречному и поперечному, как большевику, так и «повидимому большевику». Такого успеха мы должны избегать, ибо наша цель не демагогическая критика, а разумная, в интересах торжества социальных идей.

Главное же то, что мы постоянно должны иметь в виду следующее.

Критика не должна являться для нас анархо-синдикалистов целью нашей деятельности, одна голая критика без дела малоценна, низкопробна.

Мы должны постоянно помнить, что наша позиция будет неприступна и послужит нам опорным пунктом для поступательного движения вперед лишь в том случае, когда мы, анархо-синдикалисты, заняв ее, зорким оком критики окинем позицию нашего идейного противника и, оценив ее положительные качества, учтем все ее недостатки и по составленному нами плану усиления анархо-синдикалистской производительности, усвоенному всею ратью, ринемся, как один, в атаку воплощения его в жизнь.

М. Топтыгин.

Дух разрушающий—дух созидающий.

Нам, анархистам, пора признать, что для полного освобождения трудящихся мало заключенной в узкие рамки партийности, программности „революции“, которая в нынешнем ее понимании есть пертурбация плоти, но не духа.

Мы мыслим тот социальный переворот, что освободит Мир,—как нечто стихийное, могучее, самоорганизованное, *логичное в своей непоследовательности*,—как порыв голодных и угнетаемых масс к разрушению всех старых форм жизни, как психологических, так и физических, внешних.

Восставшие работники должны будут свергнуть не только капитал и власть, но и злейших своих врагов—*мораль*, *нравственность*, *церковь*, *закон*, *семью*... Не реформировать их—нет. Но раз и навсегда уничтожить, поднявшись во весь свой гигантский рост Колосса—*массы*—свободного от всех старых пут и предрассудков, не связанного ничем в своем новом строительстве Жизни.

Как жалки те, что думают дать счастье угнетенным, набивши их брюхо, признавши их право на труд и „давши“ им работу... Они забывают, что аппетит приходит с едою, и что рабочий с сытым желудком потребует от жизни и общества большего,—он потребует сытости Разума, он потребует Свободы.

Где же она, эта Свобода, когда старые мораль, нравственность, церковь, семья,—будут продолжать крепко держать „свободного“ Человека в своих цепких лапах...

Массы работников, не только эксплоатируемые, но и насилуемые везде, во всем Мире, капиталом и властью, за долгие годы рабства накапливают в себе волю к разрушению старого Мира, они переживают время разочарований, изживают все старые иллюзии...

Интуитивно они понимают, что на развалинах старой казармы, зараженного публичного дома—капитализма—нельзя строить новый светлый и радостный Храм... Они чувствуют, что прежде—нужно не оставить и следа от этих осколков прежнего, нужно уничтожить и самые развалины... Но старая психология, пропитанная насквозь капиталистическою моралью и прежними представлениями о нравственности, кастрирует их волю к Бунту и останавливает их на полпути, опутывая их—старыми путами—жалостью, добродушием и мещанскою трусливостью; для примера: вся эта склизь, накипь в котле социальной жизни кричит и вопит на всех перекрестках о своем атеизме; что не мешает, однако, громадному большинству из них креститься на ночь...

Революция нам представляется, лишь как разрушение *внешних* форм старого строя и не касающееся его *сущности* (психологической). Дух разрушения в массах еще не избавился от всех пут и движение к светлому Царству Будущего—остановилось. Сохраняются еще понятия— „мое и твое“, „доброе и злое“, „грех, преступление—и святость“... И эти понятия, находясь все в зависимости от „священного“ права собственности,—тормозят развитие революции, разрушающего духа восставших масс, и мешают ей превратиться во всеобщий, массовый социальный Бунт, который произведет переворот не только в Обществе, как целом, но и в каждом Индивиде, в его психологии, как в элементе целого, и по своему существу, по своим последствиям и по формам—будет Бунтом *анархическим*.

Призраки прошлого пугают робко вступившего не бунтарский путь разрушения Человека, заглушают в нем сознание извечной связанности его с целым—Обществом—и тем самым мешают ему *созидать* новую жизнь. А потому светлый Храм Будущего выходит аляповатым, нестройным и даже бессистемным... ибо фундаментом его служат прогнившие, зловонные обломки старой, проституированной жизни; обломки, заражающие Новый Храм...

. . . .

Революция, разрушающая внешние формы старого строя, и Бунт, поражающий его сущность—закон, мораль, нравственность, церковь, семью, все эти, казалось, метафизические спутники старого быта—взростят в массах Дух Разрушения до конца и превратят его в дух созидания.

И когда будет разрушена и форма и внутреннее содержание того голого разврата, эксплоатации, угнетения и насилия, что ныне зовется „общественною жизнью“—тогда стихийнотворческая, могучеорганизованная масса перейдет к созиданию нового общественного строя, свободного, добровольного общежития и общей работы рука об руку—Анархической Коммуны.

Леонид Грабарь.

Парламентаризм и интересы рабочего класса.

В настоящий момент, когда стальное кольцо мировой реакции всеми средствами, гнусной ложью, подкупом и другими приемами старается задавить русскую Революцию,—мы слышим в некоторых группах рабочих возгласы: „А может быть при Учредительном Собрании было бы лучше и легче жилось"... Прежде чем ответить на эти возгласы, слецует в краткой и сжатой форме указать на те страны и их социальный строй, где царит высшее проявление „свободного" демократизма—*парламентаризм*.

Живя в 20-м веке, мы являемся очевидцами разных форм правлерия: от деспотии и монархии вплоть до конституционно-демократических, буржуазных республик, где в лице „народных" представителей в Парламентах решается законодательным порядком участь всего народа. Является-ли целесообразным такое правление для всего народа?...—Нет.

Кому теперь неизвестно, что с последних десятилетий XIX века народы добились демократического, парламентского образа правления; и что же приходится видеть?.. Социальное *неравенство* на деле, со всеми своими последствиями, несмотря на призрачное равенство перед „законом", сохранилось во всем своем „величии". Как будто вывернули наизнанку какую-то рвань и на дырявое место поставили демократическую заплату, но рвань по своей сущности и даже форме осталась рванью.

Не наблюдаем-ли мы одну и ту же картину деспотического издевательства над человеческою личностью: эксплоатация, расстрелы, институты насилия со своими „парламентскими" законами—как у нас бывало при самодержавии—в Америке, Швейцарии, Франции и других „демократических" странах?.. Правда в демократических республиках убивают человека не так грубо, более утонченно; так в „свободной" Америке сажают на электрический стул и убивают моментально и быть может безболезненно, в то время как у нас практиковалось: с топора—на веревку, и концы в воду... Что лучше—судите сами. В той же Америке, Новой Зеландии, Австралии и других „передовых" республиканских странах в восстающих рабов стреляют милиционеры да полисмэны, а у нас отличались своею „храбростью" над беззащитными—казаки и жандармы. Скажите, какая разница! Разве не все равно, где и как быть убитым и расстреленным? Все это конечно делается под соусом парламентского правления...

Кто же попадет в „избираемые" Парламенты и Учредительные Собрания? Люди в большинстве своем не из рабочих, выхоленные, изнеженные и на рабочие же деньги выученные: журналисты, адвокаты, писцы, торгаши, и им подобные господа, от колыбели не испытывавшие

нужды и страданий крестьянина и рабочего. Правда, попадает в очень мизерном количестве в Парламент и наш брат рабочий или крестьянин но, попадая в круг говорунов и писак—рабочий депутат, получая депутатское вознаграждение—жалование, скоро забывает нужды своего товарища рабочего или односельчанина по деревне и начинает трепать языком наравне с болтунами из буржуазии; а потому и получается одна общая говорильня.

Пусть в Парламент попадут выборные депутаты самой безукоризненной честности, но впоследствии, из за сохранившегося экономического, самого злого неравенства на почве частной собственности—капитализма,—они из честных революционеров быстро и легко превратятся в безчестных и трусливых мещан, ибо, как вылетевший из пушки снаряд вследствие силы притяжения падает на землю,—так падут и эти выборные депутаты и принесут больше зла, чем пользы.

Жизненные примеры учат, что судьи легко могут осудить невинного; то же самое может произойти и в Парламенте—ошибка общенародного дела. Как может Парламент или Учредилка, находясь например в Питере или в Москве, знать дела и нужды крестьян и рабочих в каком нибудь захолустном городишке скажем Пермской губернии?.. Сегодня рабочим и крестьянам нужно выполнить одно, а завтра—другое, нужно и решать на месте:—и вдруг они должны находиться в зависимости от какой то парламентской власти! Не будет ли логичнее и целесообразнее, если крестьяне или рабочие, имея общую солидарность коммунальной, групповой жизни,—по своему собственному соглашению будут сами, без всяких „выборных“ парламентов, решать свои дела на местах, так как им самим виднее,—что нужно сделать, как надо поступить. Группы могут организовываться по производствам, но самое главное—по взаимным симпатиям на основании добровольных соглашений.

Приходится напомнить трудящимся: „Отдать свои собственные права—права Жизни и Человечества—другому лицу,—значит раз на всегда от них отказаться“. Если я признаю авторитет другого человека, власти или бога—то я вечный их раб.

Переживая теперь столь тяжелое время разрухи, голода,—мы к великому нашему сожалению слышим возгласы о том, что нас де спасет Учредительное Собрание, в котором будут заседать выхоленные и упитанные буржуа и будут забавляться модными, красивыми, но для крестьянина и рабочего непонятными словами... Что за нелепость!.. Разве от всех этих шумных, модных и лицемерных слов крестьянину и рабочему будет житься легче?.. Перед рабочим классом и трудовым крестьянством стоит теперь вопрос непосредственного автономного строительства экономической жизни с низу; а мечтать о централизации и Учредительном Собрании, которые все спасут и все сделают—не время.

Пусть знают трудящиеся, что Парламенты и Учредительные, Национальные и прочие Собрания умерли безвозвратно, как пережиток буржуазного мира. „Демократический“ Парламентаризм изжил себя у нас и начинает изживаться и в Европе.

Нет, тысячу раз нет,—нам рабочим и крестьянам вовсе нечего делать в Парламентах и в Учредилках; ибо они не дадут нам молочных рек в кисельных берегах и белого хлеба, чего от них ждет темная масса: они не в силах это сделать. Мы сами непосредственно должны устраивать нашу новую жизнь на *свободных, коммунистических, безвластных, групповых и союзных началах*...

И пусть в ушах рабочего люда вечно звучат слова:

„Никто не даст нам избавленья,
Ни бог, ни царь и ни герой:
Добьемся мы освобожденья —
Своею собственной рукой“...

Н. Павлов.

Художественный отдел.

* *
*

Еще ничего не достигли,
А радуемся, как дети...
Будут великие сдвиги, —
Землетрясенья столетий!
Могучих миров паденья,
Начала Новых Историй,
Созидания и разрушенья
Великих, вечных теорий.
Будут мчаться планеты, как птицы.
Пронесутся по звездной дороге
Бесконечною вереницей
Кумиры — бесы и боги.
И прежде, чем вехи первой
Достигнем в пути к победе —
Станут острою сталью — нервы,
Голоса — ударами меди!
Будут рушиться годы, как скалы,
Что взорваны динамитом.
— И лишь в глубине, под обвалом,
Будет дорога прорыта.

Наталья Ш.

МОЛОДЕЖЪ.

Рассказ **Александра Беркмана**.

(Пер, с англ. Н. Полевого).

(*Окончание*).

II.

— Ну-с, как, относительно моих вопросов? — спросил Том, когда мы встретились.

— Обсудим, Том!

— Обсудить? что ты этим хочешь сказать?

— Мы поговорим, — раз'яснил я ему.

— Почему? я думал, что ты сразу ответишь на мои вопросы.

— Мы на них ответим вместе. Ты мне поможешь в этом, Том.

— Но, ведь я не знаю, как.

— Давай посмотрим! Ты сказал, что просил отца купить тебе новый костюм.

— Нет, пару новых брюк, — поправил меня — Том.

— О, да, брюки; и твой отец сказал тебе, что ты их не получишь. Ты желал знать, почему, но он не хотел тебе сказать. Так ведь?

— Да. Теперь ты скажешь мне, почему он не хотел их купить?

— Прекрасно! Скажи мне прежде всего, чем твой отец занимается?

— Как, разве ты не знаешь? Он работает на мебельной фабрике у Джана Они там изготовляют самую лучшую мебель в городе.

— Я ничего не вижу из этой мебели в твоем доме, Том.

— Конечно нет: она слишком дорога.

— Но ты говоришь, что твой отец изготовляет ее. Почему он не приносит чего нибудь домой?

— Что ты говоришь! Эта фабрика принадлежит Джану, и, все, что там делается, принадлежит ему и он продает все это. Отец не в состоянии купить такую дорогую мебель.

— Все-таки скажи мне, Том, кто делает эту мебель, которую Джан продает?

— Конечно рабочие которые работают на фабрике.

— А делает-ли сам Джан хоть что нибудь из этой мебели?

— Ты надо мной смеешься! Джан очень богат: ему работать незачем.

— Вот и давай разберем, Том. Ты говоришь, что сам Джан ничего не изготовляет из этой мебели, которую всетаки он продает; так я предполагаю, что рабочие изготовляют ее?

— Конечно так.

— Всю мебель?

— Да.

— Тогда, если рабочие изготовляют эту мебель, они могут взять ее, раз только нуждаются в ней.

— Нет, не могут. Она не принадлежит им. Мебель принадлежит Джану.

— Как это так Том?

— Да потому, что фабрика его, инструменты и машины тоже его.

— Ты подразумеваешь под этим, что Джан сам выстроил фабрику, сам приготовил своими руками инструменты и машины?

— Нет, нет, не он! Я сам видел, как на прошлой неделе привезли новые машины на фабрику; на них была надпись и сказано, что машины изготовлялись в г. Питсбурге.

— А как ты думаешь, кто делал эти машины в Питсбурге?

— Конечно механики.

— Ну, если Джан не делал машины, то может быть он сам выстроил фабрику?

— Нет, нет не он строил ее! Рабочие построили эту фабрику.

— Как видно Том, Джан ничего не делал до сих пор. Фабрику не строил, машины не изготовлял и мебели не работал. Тогда об'ясни, почему все это принадлежит Джану?

— Я не понимаю почему.

— Есть много взрослых, которые также не могут понять этого. Но в сущности здесь нет ничего сложного, недоступного пониманию.

Настоящая правда в том, что фабрика одному человеку принадлежать не может. Почему? Да потому, что один человек не в состоянии выстроить ее. Для постройки фабрики необходимо много людей. Необходимы кирпичники, каменщики, плотники, паяльщики, механики, слесаря и много, много других рабочих для того, чтобы построить фабрику или дом. Даже простой кухонный стул и тот один человек не в состоянии сделать он будет нуждаться в молотке, гвозде или клее, а раньше чем пользоваться всем этим, он будет нуждаться в материале. Да кто нибудь должен будет кормить его, пока он работает.

Ты видишь, ему нужны многие другие люди для того, чтобы сделать хотя-бы один стул. Все, что мы имеем в настоящее время, сделано трудом многих рабочих, и каждый сделал только часть работы. Мы все живем вместе, работаем вместе и все предметы, которые имеются в настоящее время должны принадлежать всем, всему народу вместе. Вот почему фабрика Джана вовсе не принадлежит ему. По настоящему она должна принадлежать всему народу, всем, которые построили ее.

— Но ведь возможно, что Джан заплатил за фабрику—говорит Том.

— Возможно, что да. Это значит только, что мы должны узнать, где Джан взял деньги для уплаты за фабрику. Кстати, знаешь ли ты, по настоящему, что такое деньги?

— Да как же, конечно знаю: это наличные!

— Лучше об этом поговорим в следующий раз. Теперь слишком поздно.

— Ну, а как же относительно брюк то, которые отец не хочет купить мне?

— Брюки, это тоже денежный вопрос, Том.

— Не являются-ли деньги всем!—кричит Том.—И у тебя—когда достаточно денег, ты можешь доставать все, что угодно.

— Ошибаешься Том. Например, ты находишься на пароходе, на всем готовом, так как у тебя в кармане достаточно денег. Теперь, представь себе, случилось несчастие и пароход начинает тонуть, ведь знаешь, что такие случаи бывают.—Возможно, что ты и еще несколько пассажиров как нибудь спаслись и попали на остров. Ты имеешь достаточно денег, но там нет пищи. Останешься ли ты живым с твоими деньгами, Том?

— Разумеется, нет.

— Ну вот ты и умрешь с голоду, не смотря на то, что у тебя будут деньги. Ты видишь, что деньги далеко не все. Они всё в том случае, если за них можно что нибудь получить.

— Тогда какое же значение имеют деньги?

— Сами по себе деньги никакого значения не имеют. Это только, столько-то золота, серебра и бумаги; и ты жить этим не можешь. Ты нуждаешься в пище, одежде, жилище и других предметах, чтобы прожить.

— Тогда мы можем обойтись без денег!

— Разумеется, можем. В старые времена люди жили без денег.

— Можем ли мы теперь тоже жить без денег?

— Будь уверен! Будем производить те предметы, в которых нуждаемся, а потом пользоваться ими.

— Тогда нам незачем будет покупать все эти предметы.

— Незачем. И потому мы в деньгах нуждаться не будем.

— Так значит деньги нужны только для того, чтобы покупать вещи?

— Это—все! Это называется—обмен.

— Деньги, это—обмен... Я не понимаю.

— Отлично! Дело вот в чем. Возьми например твоего отца. Он столяр и работает на фабрике у Джана. Вчера он сделал стол и получил за него 3 доллара. Это он обменял свою дневную работу за 3 доллара на пару брюк для тебя. Это и есть обмен.

— Так что деньги—только для торговли или обмена?

— Только для обмена. Ты должен иметь вещи, чтобы мог обменять их. И если у тебя нет вещей, деньги тогда никуда не годятся.

— Но, когда у нас есть вещи, мы их можем обменивать без денег.

— Разумеется!

— Тогда для чего же мы употребляем деньги?

— Только для того, чтобы барыши наживать.

— А что такое барыши?

— Барыши это то, что ты получаешь как излишнее, сверх того, что ты добываешь своим трудом. Возьми например Джана. Твой отец и другие рабочие всю неделю на фабрике изготовляют много мебели. Скажем, что за всю работу Джан заплатил 300 долларов. Кроме этой уплаты за работу, стоимость материала, расходы по фабрике, освещение, чистка, ремонт машин и пр. обходится скажем, еще в 200 долларов. Все вместе обойдется в 500 долларов. Теперь я иду покупать мебель и Джан спрашивает с меня 1000 долларов. Разница между стоимостью изготовления мебели—500 долларов и продажной ценою в 1000 долларов—будет барыши.

— Я думаю, что эти барыши Джан удерживает для себя.

— Совершенно верно. Он зарабатывает на работе твоего отца и других рабочих. На подобные барыши он купил эту фабрику.

— Вот почему ты сказал, что фабрика по настоящему не принадлежит ему, а принадлежит рабочим, которые построили ее.

— Я вижу, что ты начинаешь понимат в чем дело.

— Но ведь это выходит, что Джан действительно грабит моего отца, зарабатывая на его труде, в то время, как сам Джан ничего не производит.

— Да, это грабеж!

— Теперь я понимаю почему отец не в состоянии купить мне новую одежду, или другие вещи, в которых я нуждаюсь.

— Да Джан, точно также как и другие предприниматели, грабят у своих рабочих большую часть того, что они производят.

— Но почему отец позволяет ему?

— Я думаю, потому, что он не понимает, что фабрикант его грабит.

— Я сейчас же побегу сказать отцу об этом!

Перевел Н. Полевой.

Товарищеские беседы.

О первой конференции анархистских организаций Украины „Набат".

Обидно, больно и обидно становится, когда познакомишься с материалами Первой Конференции Анархистских Организаций Украины. Одна „Декларация об условиях совместной работы анархистов", о которой так много говорилось на Второй Всероссийской Конференции Анархо-синдикалистов, могла бы иметь историческое значение, Впервые, быть может, в истории Анархистского движения вопрос об едином анархизме в декларативной сжатой форме ставится более или менее ясно и конкретно. Три главных и основных вопроса. как условий совместной работы анархистов, поставлены прямо: вопрос о социальной революции, о „переходной стадии" и о взаимоотношении трех граней анархизма (синдикализма, коммунизма и индивидуализма).

„Всемирное царство рабства, тьмы и застоя, так начинается декларация, продержавшееся в человеческих общежитиях,—благодаря целому ряду причин,—на протяжении долгих тысячелетий, начинает рушиться. Оно естественно стремиться в то же время, претвориться во всемирное царство свободного союза и вольного труда, света и всеобщего творческого движения. Человечество вступает ныне в эпоху этого потрясающего, гигантского разрушения—созидания, в *эпоху Великой Революции*: [1])

Раз начавшись Революция эта,—благодаря исключительным условиям, в которых она развертывается,—имеет громадные шансы охватить в более или менее близком будущем, все страны и стать таким образом действительно *всемирной*, т. е. прочно и окончательно победоносной. Прочная же победа всемирной революции,—в какие бы первоначальные формы эта революция,—не вылилась в различных странах,—будет означать неизбежность дальнейшего ее превращения в революцию *Социальную*... [1])

Человечество, наконец-то, решительно трогается в путь. Оно начинает *идти*. Оно приходит в состояние, всеобщего безпрерывного творческого *движения*.—[1])

И формы этого движения таковы: „Последовательно (то бурным" разрушающим натиском, то наростанием сознания и спокойного со

---

[1]) Курсив подлинника.

зидательного действия) преодолевая на своем пути все затруднения, преграды и промахи (сопротивление буржуазии и контр-революции; гибельный тупик творчески бессильного, полицейски-государственного „социализма-коммунизма". водворяемого левыми политическими партиями), многомиллионные трудовые массы будут *теперь же неумолимо стремиться* сами создать „*свое*" свободное, естественное и потому плодотворное общежитие—путем классового (а не партийного), экономического (а не политического) строительства *живого, гармонического, всеохватывающего союза безконечно разнообразных организаций* трудящегося, производящего и потребляющего люда. [1])

Так,—одновременно с последовательным разрушением и изживанием общежития искусственного, властнического (империалистически-буржуазного и социал-государственического), безсильного на деле разрушить старый и создать новый строй и неспособного удовлетворить стремлениям и запросам освобождающихся масс,—трудящиеся, раз придя в движение, вынуждены будут самостоятельно созидать истинно-новое, подлинно-коммунистическое, *экономически* обоснованное и спаянное, безвластное общежитие...

Весь этот двуединный процесс крушения государственнической, политически-властнической формы общежития (буржуазно-капиталистической или лже-коммунистической) и постепенной творческой замены его новой, экономически-массовой, бесвластной, подлинно-коммунистической формой,—вплоть до наступления эры спокойного дальнейшего развития окончательно сложившейся новой общественной организации,—мы и называем *Социальной Революцией*. (Всякая иная революция может быть лишь с большей или меньшей примесью социального содержания). И утверждаем, что социальная революция может осуществиться (если обладает достаточными объективными силами только в *таких* формах, *только таким путем*,—или же она не осуществиться вовсе и окажется в конечном счете, раздавленной"...

Дав такое понятие социальной революции, декларация отмечает, что этот процесс, социальной революции в ее созидательной части есть ни что иное, как строительство, формирование анархической коммуны. А отсюда ясно, что ни о какой „переходной стадии", между „разрушенным капитализмом" и „анархическим строем" не может быть речи. Никакой переходной стадии *на деле* не имеется. Едва мы только начинаем представлять себе строительство анархической коммуны, как перед нами встает созидательная сторона самой социальной революции, а отнюдь не какая-то промежуточная эпоха между финалом этой революции и анархическим строем. Переход от момента крушения бур-

---

[1]) Курсив подлинника.

жуазно-капиталистического строя к анархическому коммунизму есть не „переходная стадия“, но непосредственное начало строительства самой анархической коммуны. Временное господство политической партии и подавно не может считаться „переходной стадией“ и сознательно учитываться в работе анархистов. Это — еще не социальная революция. На деле—это продолжение и завершение революции *политической*, которая должна или погубить всю революцию, или быть отброшена и заменена революцией социальной. Буря неизбежно продолжается. Спокойствия нет, и ни о какой переходной эпохе нельзя говорить. Если большевизм выйдет победителем из бури, то скоро начнется социальная (т. е. анархо-коммунистическая) революция: творческое бессилие большевизма (партии) заставит массы отказаться от него. Творческая самодеятельность масс, продолжающих неразбитую революцию, выведет их тогда на широкую дорогу анархо-коммунистического строительства.

Социальная революция может не осуществиться вовсе. Но при социальной революции (если она осуществиться)—нет места „переходной стадии“.

Такова постановка вопроса в декларации о социальной революции и тесно связанного с ним вопроса о переходной стадии. И декларация вполне правильно указывает, что „принятие этого положения является первым необходимым условием для того, чтобы спорящие между собою течения анархизма могли, наконец, подать друг другу руку и работать вместе“. Вторая Конференция Анархо-синдикалистов вполне подтвердила это положение. Весь спор, все расхождение вертелось около понятия *социальной революции* и вопроса о *переходной стадии*. В то время как одна часть конференции усматривала в текущем моменте все еще пока революцию политическую, другая часть категорически утверждала, что перед нами революция социальная (необходимо отметить, что это утверждение было гораздо категоричнее, чем даже у наших соседей справа—большевиков, которые говорят лишь о том, что мы идем к социальной революции). Точно также вызывал споры и разногласия и вопрос о переходной стадии. В то время как одни отрицали ее указывая что переходную стадию смешивают с моментом строительства социальной революции, другие ее признавали, но, признавая ее, все-таки никто не сумел нарисовать ее характерные признаки. Одни предполагали, что переходная стадия— это „Советская власть“, „советизм“ так сказать, другие предпочитали „синдикализм“, „ячеечную теорию“ и т. д., третие просто признавали ее, не желая даже утруждать себя вопросом, в чем же будет состоять эта система переходной стадии.

Семеныч.

(Продолжение следует).

ХРОНИКА.

На Ижорском заводе.

После временного закрытия, за отсутствием топлива и демобилизации некоторых мастерских,—завод вновь пущен, хотя и с сокращенным штатом. Последнее время перед закрытием завода, в январе месяце, рабочих на нем было до 8.000 человек, теперь же—насчитывается только до 2.000, хотя в квалифицированных рабочих и ощущается большой недостаток.

Заводом управляет Коллегия, о возникновении которой я и хочу сказать пару слов.

Хотя Рабочий Комитет Ижорского завода стоял, можно сказать, на высоте своего призвания, как это показала Первая Конференция Фабрично-Заводских Комитетов, на которой Рабочий Комитет Ижорского Завода занял второе место,—несмотря на это между Рабочим Комитетом и местным Совдепом происходили трения, возникновение которых об'яснялось очень просто: во первых, большевики не имели в Рабочем Комитете своего прочного большинства; во вторых—местный Совдеп давно стремился взять управление заводом в свои руки и ждал только удобной минуты, чтобы привести свою мечту в исполнение. Случай этот не замедлил явиться: второго июля, по призыву меньшевистско-право-эсеровского собрания уполномоченных, была об'явлена однодневная политическая забастовка. В числе бастовавших заводов был и Ижорский, где в этот день не вышли на работу почти половина рабочих и все служащие.

В связи с этим—забастовщикам был об'явлен рассчет, а Комитет был распущен; управление заводом взяла выделенная Местным Совдепом Коллегия, утвержденная Высшим Советом Народного Хозяйства Северного Района и Морским Комиссариатом.

Работа на заводе хотя и продолжается, но настроение рабочих самое скверное. У одной части рабочих—полная апатия ко всему, причина чего заключается в недостатке питания; между тем, как другая часть—настроена весьма недоброжелательно по отношению к большевикам. При этом критика последней части—несомненно более существенная и реальная—вызывается как отсутствием Рабочего Комитета, так и составом местного Совдепа, в котором выборных от масс осталось очень мало, большинство же—выделены для работы в Совдепе местной организацией коммунистов-большевиков.

Но мы, рабочие, хотим верить, что большевики исправят свои ошибки, пока не поздно, дабы не дать массе разочароваться в Революции в ее целом и удариться вправо, попав в об'ятия оппортунизма и контр-революции.

В.

——

Делегаты от московской группы „Голос Труда" по второй Всероссийской Конференции Анархо-Синдикалистов обещали, что Группа в самом непродолжительном времени приступит к изданию полного собрания сочинений М. Бакунина. Давно пора!

——

На выборах первого Исполнительного Комитета об'единенных Союзов почтовиков и Телеграфистов—треть делегатов (70 человек) голосовало за список Анархо-Синдикалистов. Товарищи не дремлют.

——

По постановлению 2-ой Всероссийской Конференции Анархо-Синдикалистов Секретариат Всероссийской Конфедерации перенесен в Питер.

В Секретариат входят т. т. Михайловский, Михалев, Новожилин, Стоянов и Щербаков. Ему поручено Конференцией приступить к изданию еженедельного органа Всероссийской Конфедерации и материалов 1-ой и 2-ой Конференции.

——

На заседании от 9-го декабря Делегатский Совет Питерской Федерации выделил из своей среды Организационный Коллектив в составе т. т. Грабаря и Михайловского. В обязанности Коллектива входит: налаживание и установление связей с анархо-синдикалистскими группами, как вошедшими, так и не вошедшими в Федерацию; организация новых групп; организация лекций, собеседований и пр. Прием по организационным делам—ул. Жуковского 38, кв. 22—по средам и субботам от 7 ч. вечера.

Отчет „Вольного Труда".

Поступило:

От товарищей через „Петроградский Клуб Пропаганды идей Анархо-Синдикализма"	1598 р. 85 к.
От товарищей через группу Анархо-Синдикалистов телеграфистов	180 р. — к.
От тов. Рощина.	100 „ — „
От „ Павлова	100 „ — „
От „ Нельсона	100 „ — „
За проданные экземпляры № 1 „Вольного Труда"	1534 „ — „
Итого	3512 р. 85 к.

Израсходовано:

По изданию 1-го номера	2165 р. — к.
В остатке	1347 р. 85 к.

Же VIII - 43515

ИЗДАТЕЛЬ: Питерская Федерация Анархо-Синдикалистских Групп.

РЕДАКЦИОННЫЙ КОЛЛЕКТИВ: Г. Стоянов. М. Топтыгин.

ПИТЕРСКИЙ КЛУБ ПРОПАГАНДЫ ИДЕЙ
АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМА

помещается на ул. Жуковского, д. 38, кв. 22.

Библиотека-читальня открыта по средам, субботам и воскресеньям от 7 часов вечера.

При Клубе организована продажа Анархической Литературы и журнала «**Вольный Труд**».

Питерский Клуб Пропаганды Идей Анархо-Синдикализма доводит до всеобщего сведения, что:

22-го декабря в Клубе (Жуковская 38, кв. 22) в 7 часов вечера состоится доклад тов. **Б. Стоянова**

о Второй Всероссийской Конференции Анархо-Синдикалистов.

29-го декабря там же, в то же время, состоится доклад тов. **Л. Грабаря** на тему:

„Анархический Интернационал“.

Вход свободный.

Принимается подписка на первые три номера органа Питерской Федерации Анархо-Синдикалистских Групп - двухнедельного журнала **«Вольный Труд»** — по 31-ое декабря 1918 года.

Цена за три номера с доставкой и пересылкой 5 руб.

Журнал высылается лишь по получении денег полностью.

Организации и группы, при условии единовременной выписки не менее 25 экземпляров, пользуются 20-процентной скидкой.

Присылаемые в редакцию статьи и рукописи должны быть переписаны **четко** на одной стороне листа. Непринятые рукописи—не возвращаются.

Цена 2 руб.

ТОВАРИЩИ!

Питерская Федерация Анархо-
Синдикалистских Групп

НАЧАЛА ИЗДАВАТЬ РАБОЧИЙ ЖУРНАЛ—

наш двухнедельник

„Вольный Труд".

Как рабочее издание—он может продержаться лишь при вашем ближайшем сотрудничестве.

Он может издаваться лишь на ваши, рабочие, трудовые деньги. Каждая копейка на счету! Шлите вашу лепту на общее рабочее дело, шлите материалы и статьи, организуйтс сборы в Фонд „**Вольного Труда**".

Помните—без вашей поддержки сн погибнет!

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА
помещается—ул. Жуковского д. 38, кв. 22.

Прием по делам Редакции и Конторы по средам и воскресеньям от 7 ч. до 10 ч. вечера.

"Типография „Маяк", ПГГ. Вознесенский пр. 47.